УДК 314.15(571.6)

Шиян Виктор Никитович – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск). *Тел.: (4212) 31 59 75*

В.Н. Шиян
V.N. Shiyan

Дальневосточные ориентиры России

Анклавизация территории Дальнего Востока как специфическое её социально-экономическое состояние отмечена в государственной программе развития этого макрорегиона. В исследование такого специфического явления, впервые зафиксированного государственными органами РФ, условий его формирования, причин возникновения и мер преодоления активно включилось научное сообщество региона, объединившись на основе дискуссионного клуба при ДВИУ РАНХиГС. Такая позиция ученых, заслуживающая поддержки со стороны государственных органов и гражданского сообщества, позволяет не только исследовать специфическую демографическую ситуацию макрорегиона, угрожающую национальной безопасности страны, но и формировать новые социальные институты её преодоления.

The Far-Eastern guidelines of Russia

Enclavization of the territory of the Far East as its specific social and economic state is marked out in the state program of development of this macro-region. In the research of such specific phenomenon for the first time marked by the government bodies of the Russian Federation, conditions of its formation, reasons of the formation and overcoming measures actively joined the scientific community of the region, having united on the basis of debatable club by RANEPA DVIU. Such position of the scientists deserving support from the government bodies and civil community, allows not only to investigate the specific demographic situation of macro-region menacing to the national security of the country, but also to form the new social institutes of its overcoming.

Ключевые слова: *постоянное население, временное население, социально-экономическое развитие территории, жизнеемкость территории, анклавизация, замещение населения территории, качество жизни населения, демографическая безопасность.*

Keywords*: resident population, temporary population, social and economic development of the territory, life level of the territory, enclavization, replacement*

of the population of the territory, quality of life of the population, demographic safety.

Вопросам преодоления процессов анклавизации Дальневосточного макрорегиона в програмных документах государства уделено немало внимание. Представляя собой процессы *обособления* и *изоляции* территории из общей системы взаимодействия экономических, социальных, духовных и других культурных отношений, они имеют особо важное значение в обеспечении целостности развития страны и комплексности её функционирования. Поэтому для преодоления возникших тенденций анклавизации и предупреждения их дальнейшего нарастания предусмотрены меры развития транспортного потенциала; модернизации социальной инфраструктуры, включая образование, здравоохранение, жилищный сектор, обеспечивающие значительное повышение качества человеческого капитала, стандартов качества жизни и социального обеспечения населения.

Принятию рассматриваемых решений предшествовала большая подготовительная работа. В 2009 г. утверждается Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и в Байкальского региона на период до 2025 г. (далее – стратегия 2009 г.), а в 2013 г. принимается Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». 1 мая 2014 г. она утратила свою силу в связи с принятием Госпрограммы 2014. В документе 2009 г. закреплено положение о том, что стратегической целью развития Дальнего Востока и Байкальского региона является реализация геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счёт формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека в субъектах Российской Федерации, расположенных на этой территории, а также достижения среднероссийского уровня социально-экономического развития.

Выработке стратегических целей и задач, а также механизмов их реализации, способствовали многочисленные дискуссии по этим вопросам, проводимые на федеральном и региональном уровнях власти и управления и принимаемые по их результатам нормативные правовые, технические и другие организационные решения. Так, в 1996 г. при обсуждении Межрегиональной ассоциацией «Дальний Восток и Забайкалье» Программы социально-экономического развития территории до 2010 г. была поставлена задача формирования в регионе постоянного населения. Она и получила государственное признание в качестве главной цели в принятой в 2009 г. Стратегии. Многие другие проблемы жизни этого макрорегиона прямо или косвенно обсуждались в различных организационных форматах, «созревая» и ожидая своего конкретного реального воплощения. Менялись приоритеты развития макрорегиона, а также источники и средства «покрытия» долговременных расходов на фундаментальные преобразования здесь. В 2012 г. на заседании Госсовета РФ, посвященном проблемам Дальнего Востока, В.В. Путин отметил, что «… качество развития дальневосточных

территорий, условия жизни людей устраивать нас, безусловно, не могут». Здесь уже видна конкретная ориентация социальной политики на интересы человека, его условия жизни, что было обозначено еще в Стратегии 2009 г. В качестве источников реализации поставленных целей и задач к этому времени уже четко рассматривались результаты хозяйственно-экономической деятельности Дальнего Востока, полученные вследствие совершенствования функционирования социальных субъектов и населения самой территории, трансформированных управляющими воздействиями на неё федеральных органов власти и управления; привлечение сюда прямых инвестиций и рост деловой активности самого макрорегиона. Для подтверждения этого тезиса полезно обратиться к материалам заседания Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока, прошедшего в г. Комсомольске-на-Амуре 24 октября 2013 г., и решениям по итогам заседания, принятым 12 ноября 2013 г. Здесь шёл разговор о *новой модели* экономики макрорегиона. С каким трудовым потенциалом будет реализовываться новая модель развития Дальнего Востока и Байкальского региона, в каком социальном направлении будет «двигаться» местное население, и кому эти принимаемые социально-экономические изменения *принесут счастье*? Вопросы эти не только *не праздные* для жителей Дальнего Востока, но *и не новы* для тех, кто реально организовывал демографические процессы на этой территории и искренне задумывался о состоянии дел здесь.

Некоторые важные аспекты истории вопроса

Продвижение России в восточном направлении сопровождалось формированием новой для этих территорий социальной структуры населения. Коренное местное население имело специфические формы быта, занятости, общения и другие характеристики образа жизни, связанные преимущественно с имеющимися у них природными ресурсами. Эти ресурсы в решающей степени определяли содержание жизни, состояние обычаев, традиций, интересов, ценностей и других социально-культурных факторов жизнедеятельности, включая пространственные формы общения, ритмы времени и прочие реальности. Наряду с группами населения, получившими условное название категорий людей, имеющих ***традиционное природопользование***, в социальную структуру осваиваемых восточных территорий привносились и иные элементы, которые получали хозяйственно-экономические, правовые, бытовые и прочие условия для своего закрепления на основе исходно формируемых правовых, социально-политических и зависящих от них социально-экономических, этнических, духовных и других организационных отношений. Особую значимость они приобрели с начала XVII столетия: после походов Ермака (1581 – 1585 гг.) и образования якутского воеводства. Формировавшиеся поселения (Тобольск, Томск, Якутск и др.) быстро становились тыловыми городами. Уже к середине XVII столетия в структуре населения восточных территорий Сибири прочное место занимают казаки, «служилые люди» от местных администраций, землепашцы, промышленники и предприниматели, торговые люди,

«искатели счастья» в «свободной» жизни, разнообразные маргинальные и другие социальные группы. По поселенческому составу здесь были представлены выходцы фактически из всех западных территорий России: от северных и прибалтийских, центральных и поволжских, до южных и среднеазиатских. В отмеченный период и на этой социальной базе закладывались основы *территориальной организации населения* восточных областей страны, её принципы и традиции.

Естественным образом должны были встать вопросы о качестве «человеческого материала», выступающего базисом формируемой социальной структуры. И они многократно вставали, отражая конкретные условия жизни своего времени, общественные потребности и ценности людей. В.Г. Мирзоев в книге «Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в.» рисует собирательный портрет русского землепроходца того времени. Им выделены такие черты, как свободолюбие (лучше смерть в неведомой земле, чем рабство крепостничества), предприимчивость и любознательность, безудержная удаль и самопожертвование, верность служебному долгу [10, 42]. Здесь автор отдаёт предпочтение личностным качествам первопроходцев, полезным при освоении новых территорий. В.К. Арсеньев, осмысливая процесс формирования производительных сил Российского Дальнего Востока на рубеже XIX – XX вв., анализирует источники выхода мигрантов и оценивает прибывших сюда людей по их традиционным этническим качествам. Наиболее приспособленными к мобильным условиям жизни и обладающими адаптационными качествами он считал китайцев, корейцев, россиян, украинцев, белорусов, а из дальневосточных народностей – нанайцев, ульчей, удэгейцев, бурятов и некоторых других [1]. Хороший пример для подобных обобщений людей по их качественному составу создавала организация новостроек (гг. Комсомольск-на-Амуре, Амурск, трассы БАМ и др.) [11]. В этих обобщениях исследователи уделяли внимание уже не только качествам людей как первопроходцев и «новоселов», но и более широким трудовым характеристикам, а также этическим, эстетическим, образовательным и другим их личностным аспектам [4].

Анализируя во второй половине XX столетия процессы обеспечения предприятий Дальнего Востока рабочей силой, известный специалист в этой области научных исследований М.И. Леденев (правильнее будет называть его экономистом-философом) обратил внимание на имеющиеся в них диспропорции. В частности, он отметил, что при существующей системе привлечения населения на Дальний Восток и обеспечения предприятий нашей территории кадрами регион теряет подготовленных специалистов, в результате чего здесь происходит снижение качества рабочей силы. Развивая эту мысль, М.И. Леденев в дальнейшем приходит к выводу, что реально используемые государством рычаги управления экономикой (административная команда и дотации), даже если исходить из их лучших побуждений, не скупясь на средства и заставляя ведомства «тянуть экономический воз» к человеку, являются пагубными. «Могу предсказать, –

говорит он в беседе с журналистами, – к чему это приведет: качество жизни человека здесь будет последовательно падать» [8, 63]. Им были предложены некоторые меры по улучшению ситуации в сфере управления экономикой (необходимость изменения форм собственности, расширения экономических свобод и др.). На один из поставленных им вопросов: «Как жить и хозяйствовать на Дальнем Востоке?», – он отвечал: здесь «… должен быть свободный хозяин на своей земле». Эта идея «глубоко запала» в идеологию сторонников необходимости формирования некого особого пути развития Дальнего Востока.

Предстоящие масштабные социально-экономические преобразования в АТР, необходимость и неизбежность участия Российского Дальнего Востока в которых остро осознавались уже со второй половины XX столетия, с одной стороны, и потребность принятия превентивных мер для достойного вхождения в этот трансформационный процесс, с другой стороны, понуждали к научному исследованию причин и условий складывающейся ситуации, а также поиску наилучших вариантов выхода из неё. Эта ситуация потребовала комплексной оценки объективных и субъективных факторов развития дальневосточных территорий, выявления их «плюсов» и «минусов» в складывающейся ситуации, определения стратегических ориентиров и динамики тактических действий в масштабе не только дальневосточных территорий, но и России в целом. Обостряющиеся проблемы многообразно проявлялись не только в экономике, но и социальной, духовной, всей культурной, сферах, что и нашло отражение в Стратегии 2009 г. и Госпрограмме 2914 г. Одной из этих проблем выступает демографическая ситуация, которая специфично и многообразно проявляется в социальной, духовной, хозяйственной и экономической жизни населения конкретных территорий.

Обращение к истории вопроса по решению демографической проблемы позволяет расширить масштабы его видения и учесть результаты его теоретической проработки, прогнозных мониторинговых исследований, статистических анализов и др. По имеющимся демографическим прогнозам, Россия ещё очень долго – практически на протяжении всего XXI столетия – будет испытывать последствия демографической катастрофы, имевшей место в недавних девяностых годах, которая выразилась в резком снижении рождаемости и обширном росте смертности россиян. Вследствие возникшей депопуляции за прошедшие после этого 20 лет Россия потеряла около 20 млн. чел., и предполагается, что к 2050 г. в стране останется 100 – 120 млн. жителей. Учитывая геополитические, территориальные, природные и другие стратегические ресурсы страны, возникшая ситуация представляет серьезную угрозу для национальной безопасности государства и самому целостному существованию страны [7, 59]. Таким образом, прежняя *региональная* демографическая проблема страны (вследствие её недостаточно оперативного и неэффективного решения) к настоящему времени уже претендует на статус *национальной*.

Особенно тяжело эта демографическая катастрофа отразилась на потерях трудоспособного населения страны, а также на снижении возможностей наращивания трудового потенциала России. Увеличивается коэффициент демографической нагрузки (число нетрудоспособных жителей страны, приходящихся к числу 100 трудоспособных): если на настоящий момент в России он составляет 40 единиц, то по расчетам к 2050 г. возрастет до 70. Усложняются условия вовлечения в состав трудовых ресурсов тех возрастных социальных групп населения, которые можно было бы эффективно стимулировать к повышению интенсивности труда за счет значительного укрепления своего здоровья (15 – 60 лет) и увеличения продолжительности трудового периода (60 – 80 лет), поскольку в возрасте старше 65 лет в стране наблюдается стремительное постарение населения. Россияне в этом возрасте по большей части тяжело больны, многие обездвижены, являются инвалидами, представляют собой наиболее социально незащищенную группу населения, нуждающуюся в укреплении здоровья. Федеральная программа развития здорового образа жизни (ЗОЖ) не компенсирует в полной мере снижение здоровья вследствие действия других более мощных факторов, а меры по предупреждению старения и развитию здорового образа жизни не перекрывают темпы старения населения. В своей совокупности отмеченные причины резко обостряют дефицит трудовых ресурсов в стране и регионах [7, 60 – 61].

Всё острее проявляют себя факторы, усложняющие поведение женщин в сфере деторождения. Их зависимость от многих условий требует значительных и всё более возрастающих социальных, организационных, финансовых, психологических и других затрат, которые нередко теряют свой рациональный характер, приобретая слабо управляемые формы. Значительное влияние на эту ситуацию оказывает неустойчивость российской жизни в сфере быта и неуверенность многих семей в «завтрашнем дне» [7, 61 – 62].

Эти и им подобные факты свидетельствуют, что у восточных регионов страны усложняются условия решения своих социально-экономических, в т. ч. демографических, проблем. Отмеченные обстоятельства свидетельствуют об актуальности интеграции федеральных стратегических задач развития регионов с их местными, включая муниципальные, уровнями взаимодействия. Традиционные способы решения демографических задач путем привлечения сюда населения из трудоизбыточных территорий или «переманивания» кадров с соседних предприятий (смежных отраслей и т. п.) теряют свою былую эффективность. Вместе с тем, в складывающихся региональных демографических условиях для привлечения трудоспособного населения желательно сохранить показавшие свою эффективность действенные экономические и организационные инструменты обеспечения предприятий рабочей силой: «… чрезвычайно важно повысить роль и значение денежных доходов (реальных и номинальных)» [8, 49], дополняя их «новеллами» в этом виде деятельности.

На многих территориях дальневосточного макрорегиона, где стихийно, а где и планомерно, происходит ***замещение*** постоянно работающего населения привлеченными работниками: вахтовыми, сезонными, либо участвующими в трудовой деятельности на основе разнообразных форм отходничества, маятниковой трудовой миграции и пр. В результате такого замещения принципиально меняется социальная структура населения (подобно тем процессам, которые происходили несколько столетий назад при переходе от традиционного природопользования к производящему хозяйственному обустройству территории). Получают массовое закрепление высказывания социально-психологического и идеологического толка, «поясняющие» действия кадровых служб предприятий по нежеланию принимать работников из местного населения и отдающих предпочтение в выборе *«временщикам»* (якобы «местные» не способны выполнять такие работы, они ненадежны в организационном и квалификационном отношениях и т. п.).

В получивших к настоящему времени распространения в стране инвестиционном, научно-техническом и ряде других форм творчества дальневосточники пока слабо представлены своей продукцией, разработками финансовых, правовых, управленческих, образовательных и других подобных проектов. На проводившуюся в декабре 2010 г. выставку «Дальневосточные проекты в формате НАНО» предприятиями Дальневосточного федерального округа были предложены чуть более двадцати изделий. Глава государственной корпорации РОСНАНО А.Б. Чубайс в своем журнале отметил, что для Дальнего Востока, имеющего такую территорию и ресурсы, это, конечно, мало. «В целом, – продолжает он свою оценку, – впечатление двойственное. С одной стороны, очевиден серьезный инновационный потенциал, который вне всяких сомнений есть у Дальнего Востока, и который мы с коллегами увидели своими глазами. С другой стороны, – крайне слабое понимание у ученых и у руководителей научных организаций необходимости внедрения современных технологий и коммерциализации. До сих пор сохраняется непонимание фундаментального различия между НАУКОЙ и ИННОВАЦИЯМИ. Наука – это превращение денег в знания. А инновации – это превращение знаний в деньги. Но ведь это и означает, что серьезная работа по выстраиванию инфраструктуры коммерциализации результатов НИОКР способна, в том числе здесь – на Дальнем Востоке, привести к созданию масштабного инновационного сектора экономики. Разные регионы в разное время включились в это *конкурентное* соревнование. Дальний Восток несколько подзадержался на старте. Но это отнюдь не означает, что отставание безнадежно. Уверен, что здесь могут успешно развиваться десятки инновационных проектов, многие из которых – на мировом уровне» [5].

В такой ситуации для «выхода из прорыва» нужна кропотливая квалифицированная работа по обустройству каждой конкретной территории с учетом её экономической, социальной, экологической и демографической эффективности. В ходе реализации Стратегии и Программы развития

Дальнего Востока и Байкальского региона они будут корректироваться, будут вновь разрабатываться и оптимизироваться целевые индикаторы и показатели социально-экономического развития данных территорий России. Это делается уже и сейчас, поскольку *новые* стратегии и программы «готовятся» почти теми же самыми авторами, которые писали «руководящие документы» ещё в недалеком прошлом, преодолевая зачастую свои же ошибки. Однозначно ясно, что сейчас нужны комплексные исследования по повышению степени жизнеемкости наших территорий, для чего следовало бы привлечь сюда соответствующие кадры, а также обратиться к имеющемуся опыту решения таких задач силами местных специалистов. Дальневосточные территории как нельзя лучше по структуре хозяйства, составу населения, системе внешних связей, по их внутренней организации и ряду прочих факторов обладают возможностями формирования здесь *открытой демографической модели жизнедеятельности населения*, способной предупредить её анклавизацию и активно противостоять анклавному варианту развития событий в макрорегионе. Такая модель является естественной для *функционирования территорий в рыночных условиях хозяйствования*, которые предполагают, что *население* и функционирующие на данной территории социальные субъекты обладают *конкурентоспособными* качествами и владеют правилами такого поведения. Для России этот шаг по формированию специфической территории с такими качествами был бы мощным и полезным дальневосточным ориентиром.

В решениях Правительства РФ вопросы преодоления анклавизации макрорегиона рассматриваются не только в тесной связи с модернизацией его социальной инфраструктуры, создающей значительное повышение качества человеческого капитала, стандартов качества жизни и социального обеспечения населения, но и в комплексе с мерами по развитию его транспортного, строительного, промышленного и другого научно-технического потенциала. В настоящее время параметры развития Транссиба, БАМа, других железнодорожных, морских, автомобильных и воздушных сообщений Дальнего Востока и Байкальского региона тесно увязываются с подобными стратегиями и программами Восточной и Западной Сибири, Урала, северных, центральных и южных территорий Предуралья России. Во время встречи Президента РФ В.В. Путина 29 августа 2014 г. с участниками молодежного форума «Селигер 2014» им было упомянуто, что Россия намерена развивать и укреплять свои позиции в Арктике, и эти действия уже очевидны на основе реорганизации Министерства регионального развития РФ. К этим вопросам и под различными «углами зрения» В.В. Путин неоднократно возвращался в своих выступлениях во время пребывания на Дальнем Востоке в начале сентября текущего года. Железнодорожный проект «Северный широтный ход» (СШХ), завершение реализации которого предусмотрено в 2015 г., соединит Северную (от станции Обская) и Свердловскую (до станции Коротчаевской) железные дороги. Магистраль строится севернее Транссиба, является важнейшей для продвижения транспортных потоков полуострова Ямал,

предназначена для «решения» подобных проблем на Северном морском пути. Включение магистрали СШХ в транспортную систему Восточной Сибири позволит более качественно регулировать железнодорожные потоки между азиатской и европейской частями нашей страны, предусматривая соединение с Транссибом и БАМом. Одновременно планируется построение южнее Транссиба железнодорожной магистрали «Южный широтный ход» (ЮШХ), которая пройдет по Бурятии, Новосибирской области и Юго-Восточной Азии. Она позволит наполнить новым содержанием жизнь территорий, прилегающих к Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), говорить о Транскорейской железной дороге. Якутским проектом «Сила Сибири», старт которому дан в августе 2014 г., также предусмотрено участие в социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона. Таким образом, стратегические цели социально-экономического развития территорий Дальнего Востока и Байкальского региона интегрируют в себе как социальные составляющие, выражающие потребности и интересы людей, так и технико-экономические аспекты, обеспечивая комплексность решения поставленных задач. Процессы достижения поставленных целей на практике могли быть более простыми и удобными, если бы они не были в такой степени «отягощены» реальными условиями жизнедеятельности самого человека здесь и противоречиями в общественных отношениях его бытия.

Узловые точки национальной модели развития ДВР

Дело в том, что демографические проблемы, включая анклавизацию, не исчерпываются рассмотренными выше аспектами бытия человека в конкретных условиях на конкретной территории. В действительности они значительно сложнее и по многим из них нельзя предложить однозначных рецептов решений, приемлемых для разных людей или даже для одних и тех же индивидов, находящихся в различных жизненных ситуациях. На заседаниях «круглых столов» в ДВИУ РАНХиГС, посвященных обсуждению федеральной Стратегии 2009 и Программы 2014, неоднократно обсуждались вопросы «изоляции» этих территорий от жизни страны в целом и высказывалась обеспокоенность тем, что эти процессы протекают здесь уже достаточно долго. При этом, им не давалась оценка, соответствующая *значимости* макрорегиона для страны и вхождения России в полноценное современное состояние функционирования АТР.

В докладе профессора ДВИУ РАНХиГС Е.Н. Галичанина «Государственная программа социально-экономического развития Дальнего Востока – вызовы времени» отмечается, что науки, изучающие региональные процессы, предупреждают о возможных негативных последствиях развития территорий, подобных дальневосточному варианту: вначале они «выпадают» из экономического пространства страны (что уже фактически достигнуто), затем происходит поселенческая изоляция, в ходе которой осуществляется замещение коренного населения (о чем также велась речь выше), и далее в рамках этих территорий *организуются* политические процессы *на основе*

выстраивания разнообразных форм жесткой автономии. В этом и заключается угроза безопасности не только для Дальнего Востока, но и для национальной безопасности всей страны. Поэтому в *Стратегии* отмечается, что «… *отсутствие четкой государственной стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона создает опасность* ***превращения этой территории только в источник энергоносителей и сырья для стран Азиатско-Тихоокеанского региона***». Подводя итог сказанному, он делает вывод, что имеются опасения дальнейшего закрепления тенденции «отрыва» Дальнего Востока от России с проистекающими последствиями и превращением его в колониальный регион по отношению к соседним странам» [2].

В докладе «Дальний Восток России – сценарии развития (бросок в глобализацию или государственный патернализм)» профессора В.К. Заусаева (директор ДальНИИ рынка при Минрегионе России) рассматривается, на его взгляд, самая фундаментальная для Дальнего Востока проблема: о демографии, о человеке. Речь в его докладе идёт преимущественно о двух моделях территориальной организации хозяйствования и жизнедеятельности населения, получивших у автора название коммерческой (сложившейся, по его словам, на Российском Дальнем Востоке в последние десятилетия) и национальной (предлагаемой им в качестве альтернативной) [6]. Одна из концептуальных идей устойчивого развития Дальнего Востока, сформулированная дальневосточными учеными, состоит в том, что здесь в крупных организационных проектах необходимо сочетать социальные, политические, оборонные, геостратегические, экономические и технические цели. Усилившиеся же тенденции коммерциализации экономических связей в отношении восточных территорий страны (особенно в областях ценовой политики на транспортные составляющие) тяжелым бременем легли на проекты модернизации всех направлений жизни. Автор считает отмеченное усиление *коммерциализации* одним из основных факторов укрепления изоляции восточных территорий макрорегиона от остальной части страны. Он рассматривает возникшие негативные для региона тенденции развития событий следствиями, обусловленными усилением коммерциализации. Одновременно он отмечает возможность углубления негативных направлений движения территории под влиянием развивающейся социально-экономической ситуации. Такой вариант событий с ***коммерческой*** точки зрения, по его мнению, ***наиболее эффективен***. В.К. Заусаев задается вопросом: есть ли альтернатива ему и дает положительный ответ, предлагая национальный сценарий развития Дальнего Востока. Автор заключает рассмотрение своих предложений выводом о том, что решение стоящих задач достижимо путем использования новых механизмов во всех направлениях жизнедеятельности.

Исторический опыт свидетельствует: разработка и реализация национальных проектов являются одним из условий национальной безопасности [3], такая практика соответствует интересам страны, регионов и эффективному использованию их ресурсов. В качестве инициативы от

нашего дискуссионного клуба можно предложить Народной академии наук Дальнего Востока объявить нашу территорию зоной приоритетов по реализации национальных проектов в различных областях её жизни.

Усиление внимания восточному направлению деятельности России можно воспринимать не столько как её геополитическую переориентацию, сколько в смысле механизма устранения тех задержек, которые исторически возникли у нашей страны в результате длительного увлечения европейскими интересами. Преодоление этих исторических задержек способствует повышению эффективности движения России не только в восточном направлении, но и должно укреплять тенденции развития в отношении Севера и Юга.

Практика организации работы «круглого стола» и проведения дискуссий по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока на базе ДВИУ РАНХиГС благотворно воспринята региональным научным сообществом. Следует поддержать активную деятельность творческого потенциала, объединившегося на его основе, и рекомендовать проведение своеобразной «инвентаризации» проектов, разрабатываемых в прежние годы относительно социально-экономического развития территорий Дальнего Востока, их адаптации к современным рыночным и социальным условиям, а также последующей разработки современных национально-региональных проектов развития макрорегиона как неотъемлемой структурной части Российской Федерации.

Литература и источники:

1. Арсеньев, В. К. Население Дальнего Востока как производственный фактор / В. К. Арсеньев // Первая конференция производительных сил по изучению Дальнего Востока. – Хабаровск : Далькрайплан, 1926. С. 10 – 11 ; Арсеньев, В. К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока / В. К. Арсеньев // Производительные силы Дальнего Востока. Т. V. Человек. – Хабаровск, 1927. – С. 31 – 44 ; Арсеньев, В. К. Население Дальнего Востока как производительный фактор / В. К. Арсеньев // Производительные силы Дальнего Востока. Т. V. Человек. – Хабаровск, 1927. – С. 3 – 15 ; Арсеньев, В. К. Быт и характер народностей Дальневосточного края / В. К. Арсеньев, Е. И. Титов. Хабаровск – Владивосток : Изд. «Книжное дело», 1928.

2. Галичанин, Е. Н. Государственная программа социально-экономического развития Дальнего Востока – вызовы времени / Е. Н. Галичанин // Власть и управление на Востоке России. 2014. – № 2. – С. 20 – 22.

3. Голубев А. Отечественные инвестиции как условие национальной безопасности России / А. Голубев // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 5. – С. 9 – 24.

4. Дальний Восток России: сохранение человеческого потенциала и повышение качества жизни населения // Материалы международной

конференции (г. Комсомольск-на-Амуре, 19 – 21 сентября 2011 г.). – Комсомольск-на-Амуре : ГОУВПО КнАГТУ, 2011.

5. Журнал А.Б. Чубайса [Электронный ресурс]. –.– Режим доступа: chubais.livejournal.com/25561.html

6. Заусаев, В. К. Сценарии развития Дальнего Востока: сравнителтные оценки / В. К. Заусаев, Н. А. Кручак // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 2. – С. 9 – 14.

7. Крутько, В. Инновационный путь решения демографических проблем в России / В. Крутько // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 5. – С. 58 – 62.

8. Леденев, М. И. Верна ли лоция? / М. И. Леденев // Почему в России петь перестали. – Хабаровск, 2003. – С. 62 – 65.

9. Мотрич, Е. Л. Миграционные процессы в Хабаровском крае / Е. Л. Мотрич // Власть и управление на Востоке России. – 2014. – № 2. – С. 47 – 53.

10. Тураев, В. А. И на той Улье реке…: Русский землепроходец И.Ю. Москвитин : правда, заблуждения, догадки / В. А. Тураев. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1990.

11. Человек на БАМе. Социально-экономические проблемы строительства и освоения зоны БАМа. Часть II. – Благовещенск, 1979.